

Tadeusz Kruczkowski

Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały, Białoruś

**История Польши и польский вопрос в России в оценке
А.С. Будиловича**

**Historia Polski i kwestia polska w Rosji w ocenie
A.S. Budilowicza**

**The history of Poland and the Polish question in Russia
in the assessment of A.S. Budilovich**

Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России, как в контексте внутренней политики империи, так и в системе международных отношений исследуемого периода. Временами он приобретал особую остроту «рокового вопроса» российской государственности. Развитие российской полонистики на протяжении XIX – начала XX века, показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историсофская, культурологическая и политологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в полонистических трудах¹. Исходя из этого одной из основных тем в российской исторической науке XIX – начале XX в. была тематика исследований, связанная с историей Польши. Для такого интереса к польской истории существовал ряд причин.

Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейшего политического, военного, а также и цивилизационного соперника на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центра передачи западного влияния. В наличии два основных концептуальных подхода: либеральный, западнической ориентации и консервативный, преимущественно славянофильской направленности².

Следует отметить, что не меньшее значение, чем польский вопрос имел для России комплекс устоявшихся в обществе и историографии стереотипов по поводу истории Польши и российско-польских отношений. В

¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века*, Минск, 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, с. 218.

² Тамже, с. 9.

либеральных историософских концепциях российской историографии XIX – начала XX века (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев) особое место поляков в истории России объяснялось преимущественно рациональными факторами: политико-геостратегическими, историческими причинами. В консервативной историософии (к этой точке зрения приближался С.М. Соловьев) – причинами провиденциально-религиозного характера.

В консервативной историографии славянофильского толка оно приобрело даже мистическую окраску. И.П. Филевич утверждал, что давняя вражда между Польшей и Россией отразилась в психике русского народа: «и не было делом случая, что русские люди представляли дьявола в виде ляха»³. Это эмоциональное положение историка славянофильской ориентации близко в своем сущностном выражении рациональному тезису западника В.О. Ключевского: «Поляки занимали особое место в русской истории, и не зря они и татары оставались в сознании русских извечными врагами их государственности»⁴.

Особое место Польши в истории России, а также влияние польского вопроса на общественно-политическую ситуацию России исследуемого периода неоднократно подчеркивается в современной российской, белорусской и польской общественной и исторической мысли. Комплекс российско-польских проблем, как показывают современная действительность, не утратил ни политической, ни научной актуальности в России и в Польше начала XXI века.

Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная политика так называемого «собирания русских земель» под скипетром Москвы, а фактически ведения постоянных захватнических войн под религиозными и националистическими лозунгами, была прямым военно-политическим и национально-конфессиональным противостоянием Польше-Литве-Речи Посполитой и должна была получить достаточно убедительное историческое обоснование.

Существовал политический «заказ» со стороны правительства сначала Московии, а потом Российской империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши-Речи Посполитой. Эта задача не могла быть решена без глубокой интеллектуальной и идеологической проработки исторического материала и создания согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским православным миром. Результатом этого стало создание политизированной, идеологически выверенной в своих основных проявлениях российской

³ И.П. Филевич, *Польша и польский вопрос*, М.: Университетская типография 1894, с. 2.

⁴ В.О. Ключевский, *Сочинения : в 9 т. Курс русской истории*, М.: Мысль 1989, т. 5, с. 36.

консервативной традиции восприятия истории Польши, как конфессионально-цивилизационного соперника⁵.

Это подтверждается официальной линией царского правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе предмета. Также и тем обстоятельством, что в значительной своей части ряд консервативных историков (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А.К. Пузыревский, П.А. Гейсман, Н.Н. Сухотин и др.; высокие гражданские должности занимали, или заняли впоследствии – Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин, Д. И. Иловайский, Н.К. Шильдер, а также и либералы-западники – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. Ректорами университетов были – С.М. Соловьев (Московского), Е.Ф. Карский (Варшавского), А.С. Будилович (Юрьевского). В то время как у историков-полонофилов прозападной цивилизационной ориентации наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин)⁶.

Среди российских исследователей консервативно-славянофильской направленности, обративших внимание на проблематику истории Польши и ВКЛ, польский вопрос в России, следует отметить Антона Семеновича Будиловича (1846–1908 гг.). Историк, филолог А.С. Будилович – выходец из территории современной Беларуси.

Польша являлась для России на протяжении долгого исторического времени не только соседкой, но и выступала как важнейший политический, военный, а также и цивилизационный соперник и как центр передачи западного влияния. Весь этот комплекс российско-польских проблем и необходимость поиска взаимоприемлемой модели сосуществования этих двух крупнейших славянских народов, создавших наиболее крупные государства и принявших различные цивилизационные модели развития, стимулировали российскую и польскую историческую мысль, побуждая к поиску в прошлом причин и истоков столь сложных отношений. Проблематика российско-польских отношений, в том числе и в контексте различной исторической политики этих стран, и в настоящее время является весьма актуальной. В связи с этим представляет собой историографический и практический интерес представления оценочных позиций и практической деятельности одного из теоретиков и практиков российского консерватизма второй половины XIX – начала XX века. Дополнительный интерес в этом контексте вызывает западнорусское (белорусское) происхождение А.С. Будиловича.

История Польши и польский вопрос в России стали одной из важнейших тем творческого наследия А.С. Будиловича. Эта проблематика у ученого

⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 218.

⁶ Там же, с. 219.

была тесно связана с историей православных земель Речи Посполитой и западнорусским (белорусским и украинским) вопросом. Этой тематике ученый посвятил ряд своих научных и публицистических статей⁷.

В контексте творческого наследия А.С. Будиловича данная проблематика исследовалась только выборочно. Среди его современников, Е.Ф. Карский в некрологе А.С. Будиловичу, бывший его земляком, обрисовал читателям атмосферу западнорусских (белорусских) земель в середине XIX века, которая имела существенное значение для формирования системы мировоззрения будущего ученого⁸. Свое впечатление о личности А.С. Будиловича, вынесенное за время совместной работы в Варшавском университете, оставил и его идейный противник, выдающийся историк-позитивист, считающийся в России полонофилом, Н.И. Кареев⁹. Атмосфера этого учебного заведения была описана К.Н. Туром и Н. Дубровским¹⁰.

Отдельные фрагменты проблематики польского вопроса в России в интерпретации А.С. Будиловича отмечены Ю.И. Курстаком, однако он, изучал творчество ученого в целом, и этот вопрос рассматривал как общий фон славистика ученого и особо много внимания ему не уделил¹¹. Некоторые

⁷ А.С. Будилович, *Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства* // „Беседа” 1871, № 6, с.146–164; А.С. Будилович, *Вступительная лекция, читанная в Императорском Варшавском Университете 10 сентября 1881 г.*, Русь 1881, с. 14–17; А.С. Будилович, *Мечта ли панславизм?* // „Беседа” 1872, № 1–2, с. 195–215; А.С. Будилович, *Из переписки князя К.А. Черкасского и Н.А. Милютинина по польским делам*, „Славянское обозрение”, СПб 1892, т. 1, с. 359–378; А.С. Будилович, *Из переписки князя К.А. Черкасского и Н.А. Милютинина по польским делам*, „Славянское обозрение” 1892, т. 2, с. 295–335; А.С. Будилович, *Несколько замечаний на публичную лекцию проф. Н.И. Кареева о духе русской науки*, „Варшавский дневник” 1884, № 252; А.С. Будилович, *Русско-польские отношения*, „Окраины России” 1906, № 7, с. 113–115; А.С. Будилович, *Старые и новые опыты польской государственности*, „Окраины России” 1906, № 36, с. 599–603; А.С. Будилович, *Может ли Россия отдать инородцам свои окраины*, СПб 1906, с. 75; А.С. Будилович, *О единстве русского народа*, СПб 1907, с. 43; А.С. Будилович, *О значении в славянской истории битвы под Танненбергом-Грюнвальдом* // Сборник Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете, Юрьев 1899, т. 2, с.1– 20; А.С. Будилович, *Несколько замечаний об изучении славянского мира*, СПб 1878, с. 54; А.С. Будилович, *Старые и новые опыты польской государственности*, „Окраины России” 1906, № 35, с. 583–586; А.С. Будилович, *Холмская Русь и поляки*, „Окраины России” 1907, № 3, с. 33 – 39 и др.

⁸ Е.Ф. Карский, *Памяти А.С. Будиловича* „Русский филологический вестник” 1909, № 1, т. LXI, с. 149–161.

⁹ Н.И. Кареев, *Прожитое и пережитое*. Л.: Изд-во Ленинградского университета 1990, с. 384.

¹⁰ К.Н. Тур, *Студенческие годы (воспоминания о Варшавском университете)*, „Русская старина” 1912, Кн. 9. с. 402–442; Н. Дубровский, *Официальная наука в Царстве Польском*. СПб 1908, с. 138.

¹¹ Ю.И. Курстак, *Польский вопрос в общественной мысли России: А.С. Будилович // ЕС и восточнославянский мир: [сб. ст.].* ГрГУ им. Я.Купалы; под общ. ред. А.Н.

оценки позиции ученого, касающиеся польского вопроса в России, имеются в ряде российских и белорусских исследований рассматривающих проблематику национального вопроса, общественно-политической ситуации в России, российской историографии второй половины XIX – начала XXI века¹². Определенное внимание заявленной тематике уделил и автор этой статьи¹³.

В целом история Польши и польский вопрос в оценке А.С. Будиловича до сих пор не стал предметом специального историографического исследования. В статье оценочные подходы А.С. Будиловича рассматриваются на фоне общей позиции современной ему российской науки и общественно-политической ситуации в России по данному вопросу.

А.С. Будилович был незаурядной динамичной личностью и, одновременно, крупным ученым-филологом, историком, но прежде всего, администратором науки и просвещения, общественным деятелем и публицистом. Имя А.С. Будилович было широко известно в образованных кругах современного ему общества. Окончив историко-филологический

Нечухрина, Гродно 2008, с. 201–206; Ю.И. Курстак, *Религиозный компонент в творчестве А.С. Будиловича // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа*, Гродна 2008, с. 24–28.

¹²Д. Савино, *Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века*, „Логос” 2017, № 4, с. 65–87; В.А. Болдин, *Панславистские идеи А.С. Будиловича*, „Русская политология” 2018, № 1(6), с. 101–110; А.А. Ширинянец, *Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12, 2001, № 1, с. 94–119.*

¹³ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.*, „Наш радавод”, Гродна 1994, Кн. 6, ч. II, с. 218–417; Т. Kruczkowski, *Historia Białorusi i stosunki polsko-białoruskie w świetle rosyjskiej historiografii II poł. XIX w. i początku XX w.*, „Przegląd Wschodni” 2000, z. 3 (23), s. 443–476; Т.Т. Кручковский, *Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX–начала XX вв. / История Польши в историографической традиции XIX–начала XXI вв.* [сб. ст.]. Гродно 2011, с. 24–35; Т.Т. Кручковский, *«Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой четверти XIX века / История Польши в историографической традиции XIX–начала XXI вв.*, Гродно 2011, с. 83–90; Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор*, Минск 2016, № 2 (25), с. 29–36; Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века*, Минск 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09, с. 338; Т.Т. Кручковский, *Воспоминания Н.И. Кареева о Варшавском университете как феномен исторической памяти о российско-польских отношениях // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития*, Гродно 2020, с. 76–81; Т.Т. Кручковский, *Проблема взаимосвязи польского и еврейского вопроса в Западной России в интерпретации М.О. Кояловича // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: [сб. ст.] / отв. ред. А.А. Сорокин. М. : Издательство Эдитус 2021, с. 7–24.*

факультет Санкт-Петербургского университета, всю свою жизнь он провел в работе в образовательных учреждениях Петербурга, Нежина, Варшавы и Юрьева. Известность в правительственных кругах А.С. Будилевич приобрел работой по русификации Варшавского и Юрьевского университетов.

А.С. Будилевич (1846-1908 гг.) уроженец местечка Комотово Гродненской губернии, родился в семье православного сельского протоиерея, который после ликвидации церковной унии принял православие и стал ревностно ему служить. В семье было 7 детей, в их числе старший сын Александр (получивший сан протоиерея и член IV Государственной думы от русского населения Люблинской и Седлецкой губерний) и младший Василий, будущий митрополит Евлогий. Своих детей С.А. Будилевич воспитал в духе традиционных православных ценностей.

Однако это не помешало С.А. Будилевичу делать своего рода «бизнес», обкладывая своих прихожан незаконными поборами. В марте 1846 года на стол Гродненского губернатора легла жалоба помещика Александра Обуховича, в которой последний просил «оградить его крестьян от лишних вымогательств священника Комотовской церкви Будилевича за отправление духовных повинностей, возвышенных до невозможности удовлетворения, присовокупляя, что ныне за исповедь требует со всякой особы обоего пола по две копейки серебром»¹⁴.

Дело было передано на рассмотрение Высокопреосвященному Архиепископу Иосифу, который, руководствуясь утвержденным 20-го июля 1842 года положением об обеспечении содержанием православных церквей потребовал от Будилевича прекращения подобной практики. Тем самым закрылась весьма доходная статья доходов отца Антона Семеновича Будилевича¹⁵.

На формирование взглядов А.С. Будилевича оказала влияние и общественно-политическая среда тогдашней Западной России. По словам Е.Ф. Карского, – «уже с детства в родном селе будущий ученый «был поставлен на рубеже народностей», где его окружали поляки, литовцы, малороссы, евреи»¹⁶. Пережив восстание 1863–1864 гг., будучи свидетелем острой борьбы поляков и русского православного мира, молодой Будилевич рано задался вопросом и о причинах польско-русской розни. Детские и юношеские впечатления оказались настолько сильными, что через всю жизнь он пронес негативное отношение к польской государственности, католическому духовенству и дворянству, считая их причиной русско-польской вражды. Спустя десятилетия в своей автобиографии ученый

¹⁴НИАБ в Гродно. Фонд 1. Оп. 21. Д. 285. Л. 2 – 8.

¹⁵ НИАБ в Гродно. Фонд 135. Оп. 1. Д. 165. Л. 77.

¹⁶ Е.Ф. Карский, *Памяти А.С. Будилевича...*, с. 151.

вспоминал о том, что «фанатичная ненависть поляков к его отцу и семье оставила неизгладимый след в его сознании на всю оставшуюся жизнь»¹⁷.

Именно детские впечатления во многом предопределили будущее крайне негативное отношение А.С. Будиловича к полякам. Братья Будиловичи, дабы полностью отмежевать себя от всего, что даже отдаленно напоминало о Польше, поменяли написание своей польско-звучащей фамилии, убрав из него букву «з» (в первоначальном варианте оно значилось как «Будзиллович»). Отец А.С. Будиловича не только сменил свою на звучащую более по-русски Будилович, а затем взял церковную фамилию Георгиевский.

А.С. Будилович после окончания Кобринского духовного училища поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В.И. Ламанский стал не просто его научным руководителем, но и его учителем в самом широком смысле этого слова. Его идейное влияние прослеживалось во всей научной деятельности будущего ученого. А.С. Будилович развивал выдвинутую В.И. Ламанским «теорию трех миров»: европейского (западный католический романо-германский (к которому он причислял и поляков, как изменников славянского дела, как это было у В.И. Ламанского, С.М. Соловьева – Т.К.); собственно азиатский, т.е. монголо-татарская группа; и средний (православный греко-славянский), враждебных друг другу¹⁸.

Теоретико-методологической основой взглядов А.С. Будиловича стали воззрения ранних (московских славянофилов) и концепция конфронтационного развития западного и восточного миров В.И. Ламанского. Историк представлял собою ту часть мыслителей панславистской ориентации, которая видела славянское единство в соответствии с известной панславистской формулой «гармонии в единстве»¹⁹. В работах А.С. Будиловича эти идеалы были доведены до крайней степени выраженности. Ученый может быть назван одним из самых поздних приверженцев славянофильского подхода к истории, сторонником панславистских идей.

История Польши и польский вопрос в России стали одной из важнейших тем творчества А.С. Будиловича. Исторические исследования А.С. Будиловича носили подчиненный характер по отношению к его филологическим работам. В большинстве своем им свойственен был политизированный характер, что отражалось на результатах исследований, особенно по проблемам польской истории. При этом выступали они у него в виде двух ипостасей: научного и публицистического (история Польши и современность польского вопроса) и практической реализации как

¹⁷Ю.И. Курстак, *Польский вопрос...*, с. 202.

¹⁸В.И. Ламанский, *Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе*, СПб 1871, с. 316.

¹⁹О.В. Павленко, *Панславизм*, „Славяноведение” 1998, № 6, с. 56.

администратора науки и просвещения. Историческая полонистика ученого ограничивалась серией научных и публицистических статей.

В целом полонистика А.С. Будиловича, по нашему мнению, полностью соответствовала фундаментальным идеям российской исторической полонистики XIX – начала XX века. Общие оценочные подходы российской науки исследуемого периода к исторической полонистике, как отмечается в современной науке²⁰, выразились в ее основополагающих (фундаментальных) идеях, консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка. Они имели консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши; о западном цивилизационном пути Польши, несущим беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой – как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном явлении; о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли (территории Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований²¹.

Славянофильская историософия и преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, а затем «западнорусизм» М.О. Кояловича (как региональный славянофильский вариант) и охранительный консерватизм Д.И. Иловайского или А.С. Будиловича выступают в области исторической полонистики как явления одного порядка.

Польский вопрос в России А.С. Будилович связывал с историей Польши и ее православных земель периода Речи Посполитой. Ученый показывал исторические корни проблемы польско-русского антагонизма, всю вину за который он перекладывал на польскую сторону. Ученый был активным приверженцем реализации идеи политического панславизма, заключавшегося в объединении славян на основе православия как истинно славянской веры и русского языка как единого для всех славян под политическим верховенством России. Это обуславливало его стремление обосновать историческое право России на лидерство в славянском мире. В этой связи католическая славянская Польша даже самим фактом своего неправославного существования выступала как наиболее очевидный противник этих идей.

²⁰ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика....*, с. 218–417; Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи....*, с. 29–36; В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.* // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени, СПб 2000, с. 3–15; В.В. Кутявин, *Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка* // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzzenie współczesne*, pod red. A. de Lazari, Łódź 2003, s. 31–37.

²¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях....*, с. 219.

Концептуальной основой трудов А.С. Будиловича, как и Д.И. Иловайского, выступала российская государственность в ее историческом развитии, понимаемая не как отвлеченная идея, а как неотъемлемый атрибут национальной жизни. Ее главное условие заключается в существовании определенного народного типа или характера, основанного на православии и русском языке, вырабатываемого кровавой многовековой борьбой с другими народами. Главными доводами ученого были постулируемые им идеи племенного единства славян, общей православной веры и общности исторических судеб.

Племенное единство славян, по его мнению, нагляднее всего выражалось в языке, который во всех «славянских наречиях» (а наречиями он называл все славянские языки, кроме русского) сохранил связь с языком праславянским. Ученый заявлял о том, что каждый исторический народ доходит при благоприятных условиях до образования общего языка, который является затем столь же важным фактором его дальнейшего развития как общая государственность, общая церковь, наука, литература, культура²².

Вековые антагонизмы между славянами, в том числе поляками и русскими вовсе не противоречили признаваемому ученым факту исторической общности всех ветвей славянского племени. Их он считал не более чем раздорами, которые имеют место быть и между итальянцами и французами, французами и англичанами²³.

Важнейшим атрибутом славянского единства для А.С. Будиловича, вполне в духе панславистских идей, была религиозная общность славян. Православие представлялось ему фундаментом, исключительно на котором славяне могли сохранить собственную идентичность. Исходя из этого, отношение А.С. Будиловича к идее церковной унии, в целом, и к Брестской унии 1596 г., в частности, отличалось последовательностью и негативностью в ее оценивании²⁴.

Подобно С.М. Соловьеву, А.С. Будилович считал, что расселение славян привело к славяно-германскому противостоянию, которое называл «борьба между Востоком и Западом». Гибель балтийского славянства он характеризовал, как катастрофу всеславянского значения ибо она отразилась не только на судьбах близлежащих славянских племен – сербо-лужичан и

²² А.С. Будилович, *Вопрос об общеславянском языке в западническом освещении*, „Славянский Сборник” 1892, т. 2, с. 54.

²³ А.С. Будилович, *Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме и периодах* // Сборник Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете, Юрьев 1898, т. 1. с. 96.

²⁴ Ю.И. Курстак, *Религиозный компонент...*, с. 25.

поляков, но и более отдаленного племени русского. При этом в числе виновников этой трагедии он называл и Польшу²⁵.

В истории Польши периода XIII–XV веков основное внимание А.С. Будиловичем уделялось польско-германским и польско-русским отношениям. Он считал, что распространение германизма на славянском востоке было остановлено победами гуситской Чехии, разгромом Тевтонского ордена под Грюнвальдом и возвышением в XV – XVI веках Польши («федерации польско-литовско-западнорусской») ²⁶.

Немецкий фактор, как считал А.С. Будилович, оказал негативное влияние и на общественно-политическое устройство Польши. Ученый, подобно как и большинство русских историков²⁷, представил крайне негативный его образ: «Старопольские города имели в большинстве своем население еврейское и немецкое, а управление – полукагалное, полумагдебургское». Государственность эта была основана на «рабстве снизу и анархии сверху»²⁸. «Польша, – как он утверждал, – исторически оказалась менее устойчива к германской колонизации, чем даже серболоужицкие славяне, поставленные в куда более сложные условия»²⁹.

Главной чертой польской государственности на протяжении веков ученый считал преобладание в ней центробежных тенденций над центростремительными, – «потому то Польша никогда, не исключая блестящей эпохи Ягеллонов, не возвысилась над расплывчатыми федеративными формами государственности»³⁰.

В то же время ученый совершенно отвергал гипотезу о том, что причиной падения польского государства в конце XVIII века была выборность королей, называя ее «нелепою»: «никакое лекарство не может вернуть молодости и сил столетнему организму»³¹. Главною причиною злочключений бывшего сильным и столь ослабленного в XIX веке «ляшского племени» ученый считал его географическое соседство с немцами (как и С.М. Соловьев) и тесную от них зависимость в культурном отношении. «Разъедающий рак германизма», – по его мнению, – был причиною не только сословного деления польского народа, но и глубокого антагонизма между помещиками и крестьянами, городом и деревней, католическою церковью и диссидентами»³².

²⁵ А.С. Будилович, *О причинах гибели балтийского славянства* // Сборник Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете, Юрьев 1898, т. 1, с. 145–158.

²⁶ А.С. Будилович, *Летопись*, „Славянское обозрение” 1892, т. 3, с. 106.

²⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях...*, с. 219.

²⁸ А.С. Будилович, *Летопись*, „Славянское обозрение” 1892, т. 2, с. 399.

²⁹ А.С. Будилович, *Старые и новые опыты...*, с. 584.

³⁰ А.С. Будилович, *Старые и новые опыты...*, с. 583.

³¹ А.С. Будилович, *Несколько замечаний...*, с. 153.

³² А.С. Будилович, *Из переписки князя...*, т. 1, с. 359.

А.С. Будилович в традициях российской историографии преувеличивал значение в Польше крестьянского вопроса, когда заметно преувеличивалась тяжесть крепостнического гнета в Польше³³. Исходя из этого он полагал, что только лишь «польские представления о крестьянах, как о хлопах или быдле»³⁴ были основной причиной неудач Сигизмунда III под Москвою, отделения Малороссии и даже падения польского государства. Доказательством тяжелого и безнадежного положения польского крестьянства ученому парадоксально служил тот факт, что в течение IX – XIX вв. в Польше не произошло ни единого крупного крестьянского восстания³⁵.

А.С. Будиловичем, согласно традиции консервативной историографии, ВКЛ до Кревской унии рассматривалось как русское государство. Язык правовых документов ВКЛ он называл западнорусским: «Язык этот ничем не отличался бы от языка русского, если бы не полонизмы и латинизмы – «естественные наносы латино-польской школы»³⁶. В другой из своих работ государственный язык ВКЛ он прямо называл «русским»³⁷.

Люблинская уния 1569 г., считал ученый, подвела черту под независимым развитием ВКЛ³⁸. Она означала полное включение русского по характеру государства в состав чужеродной Польши. Он называл ВКЛ «польской Индией», настаивая на его колониальном статусе. Особое его неприятие вызывал способ завоевания: «оно никогда не было завоевано поляками, а сначала окутано только брачным договором Ягайло с Ядвигаю, а потом густою сетью интриг, именуемых Городельскою, Люблинскою и Брестскою униями, которые и доньше служат у поляков главным рычагом их лисей дипломатии и политики»³⁹.

А.С. Будилович встал в ряд немногих российских историков, признающих некоторое польское цивилизационное влияние на Россию и на западнорусские (белорусские и украинские) земли. Он признавал, что в XVI и XVII веках «Польша принимала значительное, хотя и не всегда полезное участие в судьбах русской образованности»⁴⁰.

Цивилизационное противостояние Запада и Востока, считал А.С. Будилович, как и большинство российских историков и определили общий

³³ Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, СПб 2010, с. 49.

³⁴ Т.Т. Кручковский, *Проблема цивилизационного выбора Польши...*, с. 82.

³⁵ А.С. Будилович, *Несколько замечаний...*, с. 150.

³⁶ А.С. Будилович, *О значении в славянской истории битвы под Танненбергом-Грюнвальдом*, Сборник Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете, Юрьев 1899, т. 2, с. 16.

³⁷ А.С. Будилович, *Несколько замечаний об изучении славянского мира*, СПб 1878, с. 40.

³⁸ А.С. Будилович, *Старые и новые опыты...*, с. 584.

³⁹ Там же.

⁴⁰ А.С. Будилович, *О славянских добровольцах в России*, Берг 1880, № 70, с. 2.

характер российско-польских отношений⁴¹. Причиной враждебного отношения Польши к России было то, утверждал А.С. Будилович, что поляки усвоили чужое мировоззрение, чувство немецкого презрения к славянству⁴². Исходя из этого положения А.С. Будилович, как и С.М. Соловьев, или Н.М. Карамзин⁴³, противостояние России и Польши рассматривалось как национально-религиозное противоборство.

Важное значение для А.С. Будиловича имела проблематика истории западнорусских земель в составе Речи Посполитой. Вся история Польши, по его мнению, была ни чем иным, как непрерывным наступательным движением Польши на Русь под знаменем Рима и в интересах Западной Европы. Определение сущности польской модели развития как полонизма нашли у Ю.Ф. Самарина, согласно нашему мнению, классическое славянофильское определение в широком смысле этого понятия. Ученый объяснял, что под полонизмом следует понимать «не только поляков как народ, государство, но и рассматривать это понятие как просветительское начало, или, вернее, как вооруженную пропаганду латинства»⁴⁴. Конкретизируя исторически свое определение полонизма, он утверждал, что Польша – «это острый клин, вогнутый латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»⁴⁵. По его мнению, вражда России и Польши заключается в том, что обе стороны имеют совершенно различные идеалы религиозного и политического характера⁴⁶.

Таким образом, история Польши в интерпретации А.С. Будиловича переходила в современный ему польский вопрос. Поляки не довольствовались захватом части русских земель, по его мнению, а стремились к полному уничтожению русской государственности. Агрессивные устремления Польши, подстрекаемые и поддерживаемые врагами России (ими были то Франция, то Англия либо Австрия) не могли не вызвать соответствующего ответа со стороны России, служа непреодолимым препятствием для установления нормальных двухсторонних отношений между двумя близкими народами⁴⁷.

Польский вопрос по степени эмоциональной ангажированности данной проблемы в творчестве А.С. Будиловича вообще не имел себе равных. Это объяснялось, прежде всего, сложностью и остротой польской проблематики. Игнорировать Польшу не мог ни один ученый, занимавшийся проблемами истории Центрально-Европейского. В его работах Польша на протяжении

⁴¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 116.

⁴² А.С. Будилович, *Летопись...*, t. 2, с. 388.

⁴³ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 219.

⁴⁴ Ю.Ф. Самарин, *Современный объем польского вопроса. Сочинения: в 5 т.* М.: Изд-во А.И. Мамонтова 1877, t. 1, с. 325.

⁴⁵ Там же, с. 325.

⁴⁶ Там же, с. 343.

⁴⁷ А.С. Будилович, *О единстве...*, с. 43.

всей ее истории оценивалась, вполне в духе славянофильских идей, как своеобразный «тroyанский конь», используемый немцами и папством, чтобы погубить Россию. Через историческое творчество А.С. Будиловича «красной нитью» проходит мысль о несамостоятельном, подчиненном характере ее истории⁴⁸.

Польский вопрос, его составляющие, рецепты его решения, как уже отмечалось, рассматривались в целом ряде статей А.С. Будиловича. Можно заметить, что на протяжении нескольких десятилетий в интерпретации А.С. Будиловича наблюдалось определенное смещение акцентов. В целом, определение польского вопроса в России, его составляющие, рецепты решения у А.С. Будиловича укладываются в фундаментальные идеи российской исторической полонистики⁴⁹.

Миссию России в Польше А.С. Будилович объяснял желанием «спасти поляков от реально грозившего им онемечивания и «вызвать к жизни» те здоровые нравственные и умственные силы, которые поведут польский народ по пути, предначертанному ему провидением»⁵⁰.

Поражение России, явного и единственного представителя восточно-христианской цивилизации, привело бы, как он считал, – к установлению немецко-латинского господства, и таким образом, к реализации устремлений Папства к низвержению православной веры, что было бы гораздо обременительнее татарского ига⁵¹. Эти оценочные подходы ученого являлись типичными для российской консервативной историографии славянофильской ориентации⁵² и не были оригинальными.

Для А.С. Будиловича, апологета идеи единого русского народа, а также политического и культурного панславизма выделение в особую группу белорусов и украинцев, а вследствие этого и признание за ними целого ряда присущих народу прав, никогда не было даже теоретически возможным⁵³. Так же для А.С. Будиловича, приверженца славянофильской идеи о дуализме европейской культуры, многовекового антагонизма между ее частями – романо-германским миром и русским православным, территория Белоруссии и Украины была ареной борьбы между Западом и Востоком, между католичеством и православием. Одним из критериев, на основании, которого происходило разделение народов, для А.С. Будиловича, в отличие от М.О.

⁴⁸ Ю.И. Курстак, *Польский вопрос...*, с. 202.

⁴⁹ Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи...*, с. 29–36

⁵⁰ А.С. Будилович, *Несколько замечаний...*, с. 163.

⁵¹ А.С. Будилович, *Старые и новые опыты...*, с. 585.

⁵² Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 219; Т.Т. Кручковский, *Проблема цивилизационного выбора...*, с. 82.

⁵³ Ю.И. Курстак, *Религиозный компонент...*, с. 28.

Кояловича у которого на первом месте были религиозные различия⁵⁴, выступал язык⁵⁵.

Обоснование единства русского языка виделось А.С. Будиловичу возможным путем обращения к истокам его происхождения. Влияние польского языка он называл основным фактором, который повлек за собою некоторые языковые различия у украинцев и белорусов. Врагами «русского языка и русской образованности» А.С. Будилович, подобно как М.О. Коялович и Д.И. Иловайский, считал поляков и немцев, называя их ответственными за возникновение украинского и белорусского сепаратизма⁵⁶.

Активизацию белорусского национального движения А.С. Будилович, как и М.О. Коялович, встретил с раздражением, считая его чужеродным порождением. Издаваемые газеты «Наша Доля» и «Наша Нива» он оценивал, как дело рук «польских инженеров и виленских евреев»⁵⁷. А.С. Будилович, как и М.О. Коялович⁵⁸, увидел причины этого явления в «польской интриге». А.С. Будилович был твердо уверен в безуспешности их попыток, поскольку в Белоруссии они не найдут своего читателя⁵⁹.

В этом отношении А.С. Будилович, как и Е.Ф. Карский, занимали весьма близкие оценочные позиции. Так еще Ю. Лесик также писал о творчестве Э. Карского: «Эта книга интересна; каждому интеллигентному белорусу она принесет большую пользу, но, читая ее, надо помнить, что автор все же смотрит на белорусский язык как на подтекст московского языка. (...) проф. Я. Ф. Карский — сторонник централизма Москвы от науки»⁶⁰. Показательно, что текст главного труда Е.Ф. Карского «Белорусы» был отредактирован: в том смысле, что он был «осовременен» к советской реальности, а затем уже и в период независимой Беларуси, так авторские определения – «белорусское племя», «белорусское наречие», «западнорусское наречие» заменены соответственно на «белорусский народ», «белорусский язык», «западнорусский язык»⁶¹.

А.С. Будилович и Е.Ф. Карский знаменитые российские филологи, занимающиеся и исторической наукой, имели много общего, как в отношении места рождения, так и общественно-политических взглядов и

⁵⁴ М.О. Коялович, *Чтения по истории Западной России*, СПб 1884, с. 461.

⁵⁵ А.С. Будилович, *Может ли Россия...*, с. 75.

⁵⁶ Т. Kruczkowski, *Historia Białorusi...*, s. 443–476; Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 219.

⁵⁷ А.С. Будилович, *О единстве русского народа...*, с. 30.

⁵⁸ Т.Т. Кручковский, *Проблема взаимосвязи польского...*, с. 7–24.

⁵⁹ А.С. Будилович, *О единстве русского народа...*, с. 31.

⁶⁰ Цит. по: Е.Ф. Карский, *Белорусы*, Т. III, Ч.1. Прадмова, с. 26.

⁶¹ Т.Т. Кручковский, *Польский вопрос в России в интерпретации Е. Ф. Карского в период его ректорства в Варшавском университете // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Сб. науч. ст., Гродно 2020, Часть 1, с. 228–238.*

научной карьеры. А.С. Будилович, как и Е.Ф. Карский, были уроженцами Гродненской губернии. Во многом Е.Ф. Карский следовал по жизни за А.С. Будиловичем: А.С. Будилович являлся профессором в 1875-1881 гг. Нежинского историко-филологического института, студентом которого в 1885 году стал Е.Ф. Карский; А.С. Будилович являлся профессором Варшавского университета в 1881-1892 гг., был деканом историко-филологического факультета, а с 1890 по 1892 он был ректором Варшавского университета. Е.Ф. Карский в свою очередь так же был профессором Варшавского университета с 1893 г., деканом историко-филологического факультета в 1902-1905 гг., а с 1905 по 1911 гг. он был ректором Варшавского университета.

В белорусских и российских биографиях Е.Ф. Карского часто утверждается, что он стал первым избранным ректором Варшавского университета. Однако упускается ряд существенных моментов. В конце августа 1905 года, в момент подъема Первой Русской революции, в университетскую среду пришла потрясающая новость – Именной Высочайший Указ, данный Сенату 27 августа, «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения». В Указе говорилось: «...§ 1. В Университетах Совету и факультетам предоставляется избирать: первому – Ректора и его Помощника, где таковая должность установлена законом, вторым – Деканов и Секретарей факультетов. Ректор и его Помощник избираются из числа Ординарных Профессоров, Деканы и Секретари – из всех Профессоров соответственного»⁶².

Как проходила в Варшавском университете подготовка к первым выборам ректора по новым правилам, какие кандидатуры обсуждались в кулуарах – пока не известно. А. Карский также не располагает и протоколами экстраординарного заседания 6 сентября. Однако сохранились в архиве три письма 1905 года от попечителя Варшавского учебного округа А.Н. Шварца – два неофициальных и одно официальное. При этом приватное письмо от 7 сентября 1905 года помечено, что писалось в 12 часов ночи(!) и нем говорилось о получении «Высочайшего разрешения на утверждение профессора Карского ректором» и подписанное генерал-лейтенантом Глазовым⁶³.

Нет необходимости напоминать, что в числе ординарных профессоров не было представителей поляков. Сам академик Е.Ф. Карский позже, в 1927 году так объяснял обстоятельства своего избрания: «Ректором Варшавского Университета я действительно был избран после первой революции в 1905 г.

⁶² А.А. Карский, *Е.Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета* / Online : интернет-сайт. 07 февраля 2015. URL:

<https://webmaster.yandex.by/siteinfo/?site=zapadrus.su/>, (дата обращения: 08.03.2022 г.)

⁶³ Там же.

и вторично переизбран в 1908 г. с целью установления приемлемого *modus vivendi* с поляками (прибавка 3-х польских кафедр), а не для обрусения их, что видно из корректных отношений ко мне поляков до сих пор»⁶⁴. Это было уже заявление задним числом с целью объяснения своей прогосударственной русификаторской позиции, при этом он не вспомнил, что ему, конечно, было известно, что университет был давно закрыт по причине требования поляками его реполонизации и вряд ли удастся в ближайшем будущем восстановить учебный процесс⁶⁵.

Еще в 1871 году А.С. Будилович опубликовал, ставшую во многом программной, статью⁶⁶, в которой показал свои основные положения видения и разрешения польского вопроса. Он представил три варианта решения польского вопроса: обрусение, онемечивание или сохранение польской народности. Ученый считал, что неприемлемыми являются первый и второй варианты. Историк объяснял свои выводы следующим образом: натурализовать Польшу значило бы ее колонизировать, а это, по его мнению, Россия не в состоянии осуществить⁶⁷.

Проблему возможной колонизации Польши А.С. Будилович рассматривал так же с точки зрения геополитики и панславистских идей. Он писал: «Лучше даже потерять Польшу, чем насильственно ее обрусить» <...> Применение силы приведет лишь к тому, что Россия оттолкнет от себя другие славянские народы, чем приготовит великое торжество для немцев, которые не замедлят эксплуатировать в свою пользу негодование на Россию славянских народов»⁶⁸. Это положение А.С. Будиловича повторяло основные идеи по польскому вопросу высказанные еще М.П. Погодиным⁶⁹.

Предоставление независимости Польше А.С. Будилович, как и большинство российских историков, считал невозможным. Этому, по его мнению, – мешает два фактора: внешний и внутренний. Внешний выражается в угрозе пангерманизма: «молодое Польское государство было бы не в силах противодействовать натиску с Запада»⁷⁰. Внутренняя причина заключается, продолжал он, – в том, что «великий социальный переворот, начатый реформами Милютина, еще не завершился; крестьянский вопрос не вполне разрешен; шляхетство не вполне еще забыло старые свои поползновения; новая народная интеллигенция не успела еще образоваться»⁷¹.

⁶⁴ Тамже.

⁶⁵ Т.Т. Кручковский, *Польский вопрос в России в интерпретации Е.Ф. Карского...*, с. 234.

⁶⁶ А.С. Будилович, *Несколько замечаний...*, с. 163.

⁶⁷ Тамже, с. 157.

⁶⁸ Тамже, с. 158.

⁶⁹ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 219.

⁷⁰ А.С. Будилович, *Несколько замечаний.....*, с. 162.

⁷¹ Тамже, с. 164.

Поэтому, заключал А.С. Будилович, – предлагая третий путь: «в интересах не только славянства, но и человечества нужно желать сохранения польским народом своей исторической личности»⁷². Взамен независимости Польше А.С. Будилович, как и большинство российских историков⁷³, предлагал ей будущее участие в панславистской федерации во главе с Россией. А.С. Будилович пространственно замечал: «Когда внутренняя общественная сила Польши обносится <...> когда мечта о политическом панславизме в той или другой форме совершится, тогда, нам кажется, и Польша найдет себе почетное место и независимое положение в конфедерованном славянстве. Трудно предвидеть время и образ его совершения; но можно предсказать, что Россия будет более международным его представителем, чем гражданским управителем»⁷⁴.

А.С. Будилович, как и М.О. Коялович⁷⁵, в сохранении польского влияния на западнорусских землях обвинял так же и «полонифильскую политику» Павла I и Александра I. И только польское восстание 1831 г., считал А.С. Будилович, – смогло «отрезвить» русских государственных деятелей, побудить их к осуществлению серьезных мероприятий в деле перевоспитания польской молодежи⁷⁶.

Более того, по мнению А.С. Будиловича, восстания 1830 и 1863 гг. не были восстаниями за польскую народность, а за польскую государственность, которая имела сословный, феодально-клерикальный характер. «Даже язык этой государственности, – как писал Будилович, – не был польским, а лишь «безобразной смесью польско-латинских слов»⁷⁷. Столь же чужеродный характер, по мнению ученого, высказанному вполне в духе фундаментальных идей российской исторической полонистики⁷⁸, – имела и католическая церковь, которая была, не была польской, а романо-германской.

Для А.С. Будиловича практической реализацией его идей в польском вопросе стал российский императорский Варшавский университет. Работая на протяжении 1881–1892 гг. в Варшавском университете, А.С. Будилович снискал себе репутацию яркого «полонофоба»⁷⁹, а возглавляемый им историко-филологический факультет стал самым русифицированным, если принимать во внимание национальный состав профессорско-преподавательского состава⁸⁰.

⁷² Там же, с. 162.

⁷³ Т.Т. Кручковский, *История Польши...*, с. 219.

⁷⁴ А.С. Будилович, *Несколько замечаний.....*, с. 164.

⁷⁵ М.О. Коялович, *Чтения по истории...*, с. 461.

⁷⁶ А.С. Будилович, *Из переписки князя...*, т. 2, с. 297.

⁷⁷ А.С. Будилович, *Летопись.....*, т. 2, с. 398.

⁷⁸ Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи...*, с. 29–36.

⁷⁹ Н.И. Кареев, *Прожитое.....*, с. 414.

⁸⁰ *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915*, pod red. S. Kieniewicz, Warszawa 1981, s. 426.

О роли, которая предполагалась российскому Варшавскому императорскому университету в политике русификации поляков, неоднократно отмечалось в научной литературе предмета⁸¹. Ввиду царившей здесь враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно, хотя для них существовали определенные привилегии. Отмечалось, что надолго русские в Варшаве не задерживались, «стремясь перебраться в центры научной и культурной жизни на основной территории России, – ведь Польша все же была провинцией, да еще с враждебно настроенным населением»⁸². Это мнение поддерживается и в польской науке⁸³. Однако, часть из них как – Е.Ф. Карский, А.С. Будилович, задержались надолго, и сделали административные карьеры.

К русским ученым, оставших среди поляков доброе мнение о себе относились историки – Н.И. Кареев, Н.Н. Любич⁸⁴. В то время как Е.Ф. Карский, И.П. Филевич, А.С. Будилович остались в исторической памяти как русификаторы польского народа.

О варшавском периоде своей научной деятельности Н.И. Кареев подробно рассказывал в своих воспоминаниях⁸⁵. К воспоминаниям Н.И. Кареева о Варшавском университете относятся также и ряд «писем» (т.е. небольших статей) ученого. В них ученый представил свои личные впечатления о Польше, польском вопросе, а также, в том числе и о Варшавском университете. Как замечал ученый, ключом к взаимопониманию его и польского окружения оказалось отношение к полякам как равноправным партнерам, а к польской истории объективное и уважительное отношение. «Так, простое исполнение элементарного требования науки приписывалось мне в заслугу, – писал Н.И. Кареев, – ибо у поляков давно господствовало мнение, что русский историк не может писать объективно о польской истории»⁸⁶.

⁸¹ *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...*s. 426; J. Bardach, *Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku*: N. I. Kariejew [w:] *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku*, Warszawa 1980, s. 104–154; J. Maternicki, *Nikołaj Iwanowicz Kariejew a polska edukacja historyczna* [w:] *Historiografia i kultura historyczna studia i szkice*, Warszawa 1990, z. X1. s. 536–579; Л.П. Лаптева, *Николай Иванович Кареев (1850–1931)* // *Историки России XVIII – XX вв.* М. 1998, Вып. 5, с. 44–54; Т.Т. Кручковский, А.Н. Нечухрин, *Польская проблематика в творчестве Н.И. Кареева* // *Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь* [сб. ст.], Мн. 1995, с. 116–123; Н.И. Кареев, *Польская медаль в память Апухтина*, „Голос минувшего” 1916, № 2, с. 172–173; Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 414.

⁸² Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 478.

⁸³ J. Bardach, *Problematyka polska...*, s. 106.

⁸⁴ Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 478; J. Bardach, *Problematyka polska...*, s. 106.

⁸⁵ Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 156–172.

⁸⁶ Тамже, с. 166.

А.С. Будилович начал свою деятельность в Варшаве в последние годы правления генерал-губернатора П.П. Альбединского и ректора Н.М. Благовещенского. Сильный противовес для либерального Н.М. Благовещенского составлял попечитель А.Л. Апухтин, служивший под начальством М.Н. Муравьева. Известный своею приверженностью русской великодержавной идее он снискал себе в Варшаве репутацию «полонофоба»⁸⁷.

А.С. Будилович столкнулся с неприязненным к себе отношением со стороны студенческой аудитории. Его вступительную лекцию, в которой он назвал польский язык всего лишь «наречием», студенты саботировали «пошаркиванием» ногами⁸⁸. Особенное неприятие у польского студенчества вызывало непризнание А.С. Будиловичем, профессиональным лингвистом, самостоятельного статуса польского языка. Данное обстоятельство несколько русского ученого не смутило, поскольку атмосфера, царившая в университете, была ему заранее известна.

Как вспоминал Н.И. Кареев видны были отличия студентов-поляков и российских студентов университета. Он отмечал их более высокую общую подготовку к учебному процессу, иной стиль межличностных отношений между собой и преподавателями университета⁸⁹. По его мнению, большинство русских студентов в Варшавском университете являлись ими по причине невозможности поступления в университеты России, в то время как большинство польских студентов не могли поступать на исторический факультет, и вынуждены были учиться на естественно научных отделениях⁹⁰. В отношении историка А. Павиньского, работы которого Н.И. Кареева использовал в своей исторической полонистике, считал, что он был выдающимся ученым и именно он должен был преподавать в университете историю своего народа, «но такой в Варшаве не полагалось»⁹¹.

В Совете университета не было единства по приоритетным вопросам университетской политики, в том числе и польскому вопросу. Как вспоминал Н.И. Кареев, среди 63 его членов сформировались две партии: «русская и польская». А.С. Будилович был одним из наиболее деятельных членов партии «русской» и нещадно критиковал профессоров Н.И. Кареева, Л.А. Ришави и А.Е. Лагорно за излишний либерализм в отношении к полякам, называя их «центром гангрены»⁹².

⁸⁷ J. Maternicki, *Nikolaj Iwanowicz Kareejew...*, s. 414; Н.И. Кареев, *Польская медаль...*, с. 172–173.

⁸⁸ Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 158.

⁸⁹ Н.И. Кареев, *Варшавские письма* // „Русская Мысль” 1881, № 5, № 8; „Русская Мысль” 1882, № 7, № 10.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Н.И. Кареев, *Прожитое...*, с. 166.

⁹² Там же, с. 162.

Деятельность А.С. Будиловича в Варшаве носила радикально-великодержавный характер, всецело направленный на усиление в Польше российского элемента. Его сторонники, признавая свойственную ученому резкость в отстаивании своих идеалов, оценивали его усилия как «безусловно чуждые всякой мелочности, придирчивости и бестактно-враждебных выходов»⁹³. Идейные же противники ученого, сторонники либеральных мер по отношению к полякам и сами студенты польского происхождения относились к нему достаточно холодно, называя его «серым кардиналом» университета, который имел сильное влияние на ректора⁹⁴.

В 1883 году пост ректора Варшавского университета занял Н.А. Лавровский, хорошо знакомый А.С. Будиловичу по совместной работе в Нежине. Спустя 4 года А.С. Будилович был назначен деканом историко-филологического факультета. О том, насколько влиятельной фигурой в Варшавском университете был А.С. Будилович, свидетельствует и тот факт, что в периоды временного отсутствия ректора Н.А. Лавровского функции последнего исполнял именно он. В связи с этим в некоторых изданиях даже утверждается, что в период 1890-1892 гг. А.С. Будилович был ректором Варшавского университета.

Факультет занимал особое место в структуре университета как играющий определяющую роль в процессе формирования у будущей местной интеллигенции пророссийской идеологической позиции. Неудивительно поэтому, что численность профессоров-поляков здесь быстро сократилась. Ликвидация «национальных предметов» (не была создана кафедра истории Польши) и перенесение основного акцента на российскую филологию вели к тому, что польские преподаватели на историко-филологическом факультете становились попросту ненужными⁹⁵. Степень русификации этого наименьшего в отношении количества обучавшихся студентов факультета была наибольшей. Среди 70 студентов, обучавшихся в 1888–1889 учебном году, на 4-х курсах историко-филологического факультета лишь 14 были католиками⁹⁶. Все остальные были из восточных земель империи и, преимущественно, были завлечены в Варшаву довольно значительной по тем годам стипендией.

Преподавание истории в университете, ее смысл и содержание, часто в ущерб науке, были целиком подчинены политическим целям. По воспоминаниям Н. Дубровского оно было «более чем печальным»⁹⁷. Все было настолько плохо, что если бы в этом университете не было профессора

⁹³К.Я. Грот, *Памяти Антона Семеновича Будиловича*, „Исторический вестник” 1909, №3, с.111.

⁹⁴*Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...*, s. 426.

⁹⁵Там же.

⁹⁶Список студентов Императорского Варшавского университета на 1888–1889 гг., Варшава 1888, с. 5-16.

⁹⁷Н. Дубровский, *Официальная наука...*, с. 72.

Д.М. Петрушевского, «то можно было бы сказать, что исторической науки там <...> не было и вовсе, профессора истории отнимали у студентов напрасно время, профанировали знание, оскорбляли достоинство науки и самым откровенным образом пользовались привилегиями, связанными с государственной службой в Царстве Польском»⁹⁸. Специфика руководимого А.С. Будиловичем факультета заключалась также и в том, что по политическим соображениям в его структуре не была создана отдельная кафедра этнографии, а профессора польской национальности выражали желание ее иметь. Отказ мотивировали отсутствием финансовых средств⁹⁹.

В течение 11 лет работы в Варшаве А.С. Будилович зарекомендовал себя непоколебимым великорусским патриотом, и деятельность его не осталась незамеченной. В 1892 г. Н.А. Лавровский занял пост попечителя Рижского учебного округа. Одной из важнейших его задач было преобразование Юрьевского университета, который имел немецкий характер. Необходим был человек, полностью преданный великорусской идее, решительный, способный справиться со всевозможными препятствиями. Лучшей кандидатуры, чем А.С. Будилович, новоназначенный попечитель не видел: 27 сентября 1892 г. он был назначен ректором Юрьевского университета¹⁰⁰.

В начале своей научной деятельности А.С. Будилович считал невозможным и даже нежелательным насильственное обрусение Польши. Позднее во время работы в Варшавском университете А.С. Будилович продемонстрировал завидное упорство как в работе по русификации этого научного учреждения и в укреплении русского элемента в крае. Это определило ужесточение его позиции по польскому вопросу.

Следует отметить, что в период первой русской революции А.С. Будилович выступил против предоставления Польше автономии. Он полагал, что автономией дело не ограничится и «все разговоры об автономии не более чем дымовая завеса, призванная скрыть главную цель, которой была независимая от России Польша»¹⁰¹. Ученый высказывал опасение, что предоставление независимости Польше станет опасным прецедентом и послужит примером для подражания. Вопрос о границах будущей Польши вполне мог уложиться в пресловутую формулу «od morza do morza»¹⁰². Эти положения А.С. Будиловича полностью повторяли идеи и аргументацию еще Н.М. Карамзина¹⁰³, высказанные в его «Записке о Польше».

А.С. Будилович уже после революции 1905 года высказывая надежду, что окончательное разрешение польского вопроса будет произведено мирным

⁹⁸ Там же, с. 71.

⁹⁹ Ю.И. Курстак, *Польский вопрос...*, с. 202.

¹⁰⁰ Е.Ф. Карский, *Памяти А.С. Будиловича...*, с. 159.

¹⁰¹ А.С. Будилович, *Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам*, СПб 1905, с. 91.

¹⁰² Там же, с. 94.

¹⁰³ Т.Т. Кручковский, «*Записка о Польше*»..., с. 83–90.

путем, требовал от поляков: «Необходимо только дожидаться, когда в польском обществе исчезнут захватнические устремления по отношению к таким «исконным русским землям», как Холмщина»¹⁰⁴. При этом такое примирение, по его утверждению, может быть достигнуто только на российских условиях, «лишь перевоспитанием польского общества в духе Кирилло-Мефодиевских заветов»¹⁰⁵.

Одновременно ученый призывал к славянскому единству: «мы помним, что поляки – славяне, и родственнее нам всех других инородцев»¹⁰⁶. А.С. Будилович припоминал полякам негативные характеристики их национального характера данные в российской исторической и общественной мысли (Ф. Смит, А.С. Пушкин и др.) по поводу польских восстаний: «Мы не хотим повторять старого, характеризующего ум поляков эпитета, созданного в дни гнева и злобы»¹⁰⁷. Оценивая польские восстания и охватившего тогда польскую интеллигенцию настроения, он считал эти явления ненормальными: «мы уверены, что пройдет немного времени, когда они и сами признают, что их ныне охватил лишь безумный психоз»¹⁰⁸.

Таким образом, на формирование взглядов А.С. Будиловича по польскому вопросу оказали влияние общественно-политическая среда тогдашней Западной России, консервативные и славянофильские идеи российской историографии. Определение польского вопроса, его составляющие, рецепты решения у А.С. Будиловича укладываются в фундаментальные идеи российской исторической полонистики XIX – начала XX века, консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка.

Немецкое влияние, А.С. Будилович считал губительным для Польши, в то время как ее русификация не представляла для него никакой проблемы. Реализации этой задачи он посвятил немало собственных усилий, из-за чего не смог полностью реализовать свой богатый творческий потенциал. Окончательное решение «польской проблемы» ученый видел лишь в реализации актуальной в славянофильских кругах идеи политического панславизма в форме славянской конфедерации во главе с Россией.

Bibliografia

Źródła

- Будилович, А.С., *Из переписки князя К.А. Черкасского и Н.А. Милютина по польским делам* // Славянское обозрение, СПб 1892, т. 1, 2.
 Будилович, А.С., *Летопись*, „Славянское обозрение” 1892, т. 2, 3.

¹⁰⁴ А.С. Будилович, *Холмская Русь...*, с. 38.

¹⁰⁵ Тамже.

¹⁰⁶ А.С. Будилович, *Русско-польские отношения...*, с. 113.

¹⁰⁷ Тамже, с. 113.

¹⁰⁸ Тамже.

- Будилович, А.С., *Мечта ли панславизм?*, „Беседа” 1872, № 1–2.
- Будилович, А.С., *Может ли Россия отдать инородцам свои окраины*, СПб 1906.
- Будилович, А.С., *Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам*, СПб 1905.
- Будилович, А.С., *Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства*, „Беседа” 1871, № 6.
- Будилович, А.С., *Несколько замечаний об изучении славянского мира*, СПб 1878.
- Будилович А. С., *О единстве русского народа*, СПб 1907.
- Кареев, Н.И. *Прожитое и пережитое*. 1990.. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Opracowania

- Аржакова Л.М., *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX*, СПб 2010.
- Болдин, В.А., *Панславистские идеи А.С. Будиловича*, „Русская политология” 2018, № 1(6). Кручковский Т.Т., *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века*, Гродно 1994. Кручковский Т.Т., *Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX–начала XX вв.* [w:] *История Польши в историографической традиции XIX – начала XXI вв.*, Гродно 2011. Кручковский Т.Т., *История Польши в основных концепциях русской историографии XIX–начала XX века*, Гродно 2016.
- Кручковский Т.Т., *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор*, Минск 2016.
- Кручковский Т.Т., *История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования*, Минск 2017.
- Курстак, Ю.И., *Польский вопрос в общественной мысли России: А.С. Будилович // ЕС и восточнославянский мир: [сб. ст.].* ГрГУ им. Я.Купалы; под общ. ред. А.Н. Нечухрина, Гродно 2008.
- Курстак, Ю.И., *Религиозный компонент в творчестве А.С. Будиловича* [w:] *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа*, Гродно 2008.
- Павленко, О.В., *Панславизм*, „Славяноведение” 1998, № 6.
- Якубский В.А., *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.*, СПб 2000.

Резюме

В статье рассматриваются основные оценочные позиции российского историка, филолога А.С. Будиловича на историю Польши и польский вопрос в России. Эти взгляды ученого рассматриваются на фоне общих оценочных позиций российской историографии. Автор анализирует, как основные работы А.С. Будиловича полонистического характера, относящиеся к истории Польши и польскому вопросу в России, так и исследования современной ученому российской исторической полонистике по сходной проблематике. Заявленная тематика в творческом наследии А.С. Будиловича была тесно связана с историей православных земель Речи Посполитой и западнорусским (белорусским и украинским) вопросом. На формирование научных и общественно-политических взглядов А.С. Будиловича оказали влияние как характер его образования, так и общественно-политическая среда тогдашней Западной России. В целом историческая полонистика А.С. Будиловича полностью соответствовала фундаментальным идеям российской исторической полонистики XIX – начала XX века, консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка. Важнейшим атрибутом славянского единства для А.С. Будиловича была религиозная общность славян и их общий язык. Православие представлялось ему фундаментом, исключительно на котором славяне могли сохранить собственную идентичность. Миссию России в Польше А.С. Будилович объяснял желанием спасти поляков от грозившего им онемечивания и «вызвать к жизни» здоровые нравственные и умственные силы. Ученый был одним из самых поздних приверженцев славянофильского подхода к истории, сторонником панславистских идей, его следует отнести к школе западнорусизма (белорусского регионального варианта славянофильства).

Streszczenie

Artykuł omawia główne pozycje oceniające rosyjskiego historyka, filologa A.S. Budilowicza piszącego o historii Polski i kwestii polskiej w Rosji. Te poglądy naukowca są rozpatrywane na tle ogólnych stanowisk oceniających w rosyjskiej historiografii. Deklarowany temat w twórczym dziedzictwie A.S. Budilowicz był ściśle związany z historią prawosławnych ziem Rzeczypospolitej oraz z kwestią zachodnio-rosyjską (białoruską i ukraińską). Na kształtowanie poglądów naukowych i społeczno-politycznych A.S. Budilowicza wpłynął zarówno charakter jego wykształcenia, jak i środowisko społeczno-polityczne ówczesnej zachodniej Rosji. Ogólnie rzecz biorąc, historyczna polonistyka A.S. Budilowicza w pełni odpowiadała podstawowym ideom rosyjskiej polonistyki historycznej XIX-początku XX w., mających konserwatywny i słowianofilski charakter, najczęściej o antyzachodnich poglądach. Najważniejszymi atrybutami jedności słowiańskiej dla A.S. Budilowicza były wspólnota religijna Słowian i ich wspólny język. Prawosławie wydawało mu się fundamentem, na którym wyłącznie Słowianie mogli zachować własną tożsamość. Misję Rosji w Polsce A.S. Budilowicz tłumaczył chęcią uratowania

Polaków przed zagrażającą im germanizacją i „ożywieniem” zdrowych sił moralnych i psychicznych. Naukowiec był jednym z zwolenników słowianofilskiego podejścia do historii, zwolennikiem idei pansłowiańskich, należy go przypisać szkole zachodniorusyzmu (białoruski regionalny wariant słowianofilstwa).

Summary

The article discusses the main evaluative positions of the Russian historian, philologist A.S. Budilovich on the history of Poland and the Polish question in Russia. These views of the scientist are considered against the background of the general evaluative positions of Russian historiography. The author analyzes how the main works of A.S. Budilovich of a polonistic nature, related to the history of Poland and the Polish question in Russia, as well as studies of modern Russian historical polonistics on similar issues. The declared theme in the creative heritage of A.S. Budilovich was closely connected with the history of the Orthodox lands of the Commonwealth and the Western Russian (Belarusian and Ukrainian) issue. The formation of scientific and socio-political views of A.S. Budilovich was influenced by both the nature of his education and the socio-political environment of what was then Western Russia. In general, historical polonistics of A.S. Budilovich fully corresponded to the fundamental ideas of Russian historical polonistics of the 19th - early 20th centuries, conservative and Slavophile in nature, most often of an anti-Western persuasion. The most important attribute of Slavic unity for A.S. Budilovich was the religious community of the Slavs and their common language. Orthodoxy seemed to him the foundation, exclusively on which the Slavs could preserve their own identity. A.S. Budilovich explained the mission of Russia in Poland by the desire to save the Poles from the Germanization that threatened them and to “bring to life” healthy moral and mental forces. The scientist was one of the latest adherents of the Slavophile approach to history, a supporter of pan-Slavic ideas, he should be attributed to the school of Western Russianism (Belarusian regional version of Slavophilism).

Ключевые слова: Польша, Россия, польский вопрос, Варшавский университет, А.С. Будилович.

Słowa kluczowe: Polska, Rosja, kwestia polska, Uniwersytet Warszawski, A.S. Budilowicz.

Key words: Poland, Russia, Polish question, University of Warsaw, A.S. Budilovich.